

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Бруно Коппитерс
Ник Фоушин*

Война! В истории человечества это слово всегда вызывало самые разные эмоции: от бурного энтузиазма и злобной жестокости до смертельного страха. Война — это то, что создавало империи, расширяло цивилизации, с одной стороны, и порождало ужасные страдания и разрушения — с другой. Война была ужасна с самого начала — еще тогда, когда основным оружием были копье, кинжал, булава, праща и лук¹. Кровавая схватка, в которой противника закалывали или рубили насмерть, очаровывала одних и вызывала внутреннее опустошение и отвращение у других. Часто после битвы ужасы войны продолжались, например, в массовых убийствах стариков, женщин и детей. Затем, по пятам войны, следовали голод и болезни, которые часто сводили в могилу больше людей, чем сама война.

Война всегда была обычным делом в жизни людей. Начиная с бронзового века, через всю историю человечества прошли тысячи войн. И уже во времена монгольских завоеваний количество жертв исчислялось сотнями тысяч, а иногда и миллионами². В XX в. Первая и Вторая мировые войны стали причиной соответственно 10 и 55 миллионов смертей³. И даже в наше время во всем мире продолжают идти десятки малых войн, которые по жестокости ничуть не уступают большим войнам. Не удивительно, что война

¹ *Ferrill A.* The Origins of War: From the Stone Age to Alexander the Great. L.: Thames and Hudson Ltd., 1985. P. 18—19.

² *Kwanton L.* Imperial Nomads: A History of Central Asia 500—1500. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1979. P. 121.

³ *Addington L.H.* The Patterns of War Since the Eighteenth Century. Bloomington, IN: University of Indiana Press, 1984. P. 157, 248.

всегда была предметом тревожных размышлений людей. Некоторые из таких размышлений, например Сунь-цзы в его «Трактате о военном искусстве»¹ (написанном более 2000 лет назад) и К. Клаузевица в его работе «О войне»² (впервые опубликованной в 1832 г.), сосредоточиваются главным образом на том, как вести войну. Война отвратительна, и это, по-видимому, побуждало тех, кто о ней размышлял, искать приемы стратегии и тактики, благодаря которым их собственная страна не проиграла бы войну. Другие задумывались над проблемами правоты и неправоты сторон в войне. Ужасы войны побуждали их думать о том, какую роль могла бы играть в войне нравственность, если она вообще совместима с войной. Авторы этой книги разделяют озабоченность относительно нравственной стороны войны и тех проблем, которые порождают войны.

Представляемая книга посвящена справедливости и войне. Ее авторы — преподаватели этики в военных академиях и университетах Бельгии, Китая, России и США. Уже в этом отношении книга не совсем обычна. В основном авторы книг на темы военной этики пишут для своих соотечественников, обращаясь главным образом к тем вопросам, которые актуальны и имеют нравственный смысл для читателей, принадлежащих к определенной культуре. Дискуссии об этике войны удерживаются строго в границах отдельных стран. Это подтверждается тем фактом, что многие книги на данные темы, очень популярные в одних странах, остаются практически неизвестными (и непереведенными) в других, в результате чего снижается их значение. Книга Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны»³ долго оставалась неизвестной во Франции и Германии⁴, а работы французских философов, отстаи-

¹ Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955.

² Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука, 1997.

³ *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. Basic Books, 1977. (Здесь и далее звездочкой (*) отмечен текст, добавленный редактором русского издания.)

⁴ Французский перевод этой книги был опубликован под названием «Войны справедливые и несправедливые: моральная аргументация с историческими примерами» (*Guerres justes et injustes: argumentation morale avec exemples historiques*. Paris; Belin, 1999) спустя 22 года после английского издания. И по крайней мере до 1999 г. не было немецкого издания этой книги.

*Спустя 24 года после первого английского издания этой книги М. Уолцера нет и ее русского перевода. С некоторыми идеями М. Уолцера на темы войны можно познакомиться в кн.: Уолцер М. Компания критиков: Социальная критика

вающих «долг военного вмешательства» в бывшей Югославии¹ еще не оказали никакого влияния на политические споры по этой проблеме в англосаксонском мире. Также не выходят за рамки Китая или России ведущиеся в этих странах дискуссии о военной этике или этико-правовых проблемах военного вмешательства. Как мы увидим далее, здесь используются иные аргументы по сравнению с теми, что высказывают ученые в Западной Европе и англоязычных странах.

Национально обособленный характер дискуссий о военной этике резко контрастирует, во-первых, с тем интернациональным контекстом, в котором ведутся политические дискуссии по таким вопросам, как права человека или право на сецессию²; во-вторых, с международным характером определенных военных действий (например, миротворческие операции под эгидой ООН в бывшей Югославии); в-третьих, с тем моральным подходом к войне, какое он получил в *теории справедливой войны*, которая по строгим основаниям считается именно теорией. Как будет показано далее, эта теория имеет свои истоки в транскультурном опыте, в неких универсальных представлениях и принципах.

Понятно, что закрытость научных сообществ разных стран в их дискуссиях об этических проблемах войны отражает общественные интересы. Социальные ученые не стоят в стороне от политической жизни, и их место в дискуссиях, которые ведутся в стране, часто отражает политические интересы той страны, в которой они работают. Хотя по сравнению с временами холодной войны осознание необходимости преодоления военного противостояния усилилось, отношение общественности и политических элит в России, Западной Европе, Китае и Соединенных Штатах к моральным проблемам войны и военного вмешательства продолжает в значительной степени варьироваться. Это различие мнений обнаруживается в разных подходах государств к вопросам без-

и политические пристрастия XX века [главы 2 и 7]. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.

¹ См., например: Lévy B.-H. *Le lys et la cendre*. P.: Grasset, 1996.

² **Сецессия* (англ. secession от лат. secessio — отделение, отход, раскол) — отделение некоторой территории от государства. Стало принятым считать, что в отличие от более привычного термина «сепаратизм» термин «сецессия» является нейтральным с ценностной точки зрения. О проблеме сецессии см.: Бьюкенен А. *Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства*. М.: Рудомино, 2001 (Публикации Музея и общественного центра им. Андрея Сахарова).

опасности. С начала 1990-х гг. Россия, Китай, Западная Европа и Соединенные Штаты столкнулись с новыми угрозами, и здесь оказались неэффективными предпринимавшиеся попытки сотрудничества в области безопасности. Можно выделить три вида таких новых угроз.

Первый вид угрозы Соединенные Штаты и их западные союзники испытали со стороны таких государств, как Ирак и Ливия, которые обвинялись в нарушении принципов международного порядка и поддержке терроризма. По мнению Соединенных Штатов, это касается Ирана, Ирака, Ливии, Северной Кореи, Судана и Сирии¹. Эти государства обвиняются в агрессии против соседних стран (Ирак) или в наращивании потенциала оружия массового поражения за пределами необходимого для обороны (Иран, Ливия и Ирак). Поэтому эти страны рассматриваются западными государствами как отверженные, а Соединенные Штаты даже навесили на них ярлык «государства-изгой». С окончанием холодной войны западные страны — члены Совета Безопасности ООН смогли даже убедить своего советского партнера прибегнуть к мерам принуждения в отношении Ирака — поддержать политику санкций ООН, а также использовать «все необходимые средства» для восстановления суверенитета Кувейта.

После войны в Персидском заливе (1991) санкции не были сняты. Однако в последующие годы между Россией, Китаем, некоторыми западноевропейскими государствами и Соединенными Штатами возникли разногласия относительно законности этого метода. Россия настаивала на снятии эмбарго на экспорт иракской нефти. Такая настойчивость объясняется историческими причинами. Традиционно между Багдадом и Москвой всегда были хорошие отношения, кроме того, Россия руководствовалась экономическими мотивами: эти санкции сделали невозможным для Ирака выплату его большого долга России².

Даже если такие разногласия в значительной степени отражают конфликт национальных интересов и провал режима эмбарго в достижении конкретных результатов (диктатура Саддама Хусейна

¹ Ср.: *Hellman Cb.* State Department Releases Annual Terrorism Report // The Weekly Defense Monitor. The Center for Defense Information (CDI), Vol. 4, Issue № 18, 2000, 4 May. Или: www.cdi.org

² *Lakhdar B.* Foreword // *Political Gain and Civilian Pain*, Lanham — New York/Boulder: Oxford; Rowman and Littlefield Publ., 1997. P. XIII.

по-прежнему крепка), не следует недооценивать моральные аспекты политики эмбарго. Эти вопросы широко обсуждаются в США. Политика эмбарго породила процесс постепенного, но неуклонного разрушения экономики и инфраструктуры ранее относительно богатой страны. Дети страдают от хронического и даже острого недоедания. Последствия этой войны, например развал системы водоснабжения и санитарной службы, разрушение больниц и школ, были усугублены неспособностью Ирака восстановить эти структуры жизнеобеспечения. Согласно исследованиям, проведенным в Колумбийском университете, в результате войны в Персидском заливе и санкций против Ирака с 1991 по 1998 г. умерли от 100 000 до 227 000 детей в возрасте до пяти лет; а по оценкам, приведенным в отчете ЮНИСЕФ, число детей, умерших в возрасте до пяти лет, достигло полумиллиона¹. Санкции, направленные против гражданских лиц, противоречат одному из столпов теории справедливой войны — принципу различия между комбатантами и некомбатантами².

Вопрос о том, какая политика была бы правильной по отношению к режимам Ирана, Ирака или Северной Кореи, не потерял своей актуальности после террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. В январе 2002 г. Президент США Дж. Буш обратился ко всем государствам мира с призывом использовать все возможные средства для того, чтобы принудить страны-изгои прекратить производство оружия массового поражения и поддержку террористических групп. Иран, Ирак и Северная Корея, сказал Президент, образуют «ось зла». Эта демонизирующая лексика не встретила понимания у правительств Европейского Союза. По их мнению, политический диалог с руководством некоторых из этих стран мог бы содействовать их вовлечению в международное партнерство, направленное против терроризма, а применение

¹ The Economist. 2000. 8—14 April.

² *Хотя в литературе на русском языке уже встречается (как правило, в переводных работах) термин «принцип дискриминации», здесь термин «Principle of Discrimination» переводится как «принцип различия», поскольку за словом «дискриминация» в русском языке закрепилось определенное значение: ограничение прав, подавление прав. Только в медицине этот термин обозначает способность к различному восприятию разных раздражителей. Непривычное слово «комбатант» (combatant) здесь оказывается наиболее уместным для строгого обозначения легитимного участника вооруженных действий. Установление статуса комбатанта необходимо именно для разграничения участников вооруженных действий и мирного населения.

военной силы против Ирака вряд ли было бы разумным. Различия между США и их европейскими союзниками можно трактовать как разногласия относительно правильного использования отдельных принципов справедливой войны, таких, как принцип крайнего средства, соразмерности или вероятности успеха.

Второй вид новой угрозы, с которым столкнулись Россия, Китай, Западная Европа и Соединенные Штаты, обусловлен внутригосударственными конфликтами. Система безопасности, разработанная после Второй мировой войны благодаря образованию ООН и СБСЕ, подразумевала классические случаи, когда друг с другом воюют суверенные государства (межгосударственные конфликты). Но эти две организации оказались довольно беспомощными перед лицом нового типа военного противостояния, когда по крайней мере одна из воюющих сторон не рассматривается международным сообществом в качестве представителя суверенного государства. Распад федеративных систем Советского Союза и Югославии привел к созданию и признанию международным сообществом новых суверенных государств (15 союзных республик Советского Союза и 5 республик Югославии). Но дезинтеграция этих государств также спровоцировала претензии некоторых этнических меньшинств внутри них на собственную государственность, что породило конфликты, связанные со стремлением народов к отделению; таковы конфликты на Северном (Чечня) и Южном (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия) Кавказе, в Молдавии (Приднестровье), в Боснии и Сербии (Косово). Таджикистан столкнулся с дезинтеграционными тенденциями вследствие региональных расколов и гражданской войны, поставившей его существование как государства под угрозу. Россия направила миротворческие силы в Кавказский регион и Таджикистан и начала войну против сепаратистской Чечни, в то время как НАТО совершила военное вмешательство в Боснию и Косово. В Руанде конфликт между народностями хуту и тутси в 1994 г. стал одним из самых ужасных примеров геноцида второй половины XX в.: около 800 000 тутси стали жертвой хуту. Неудачная попытка ООН вмешаться в этот конфликт, в частности усилия Бельгии и Франции разрешить его с помощью необходимых военных средств, вызвала широкую критику. Многие полагают, что относительно небольшой военный контингент мог бы предотвратить эти массовые убийства. Острая критика была направлена и в адрес Совета Безопасности ООН за его решение не проводить акцию по принуждению к миру.

В большинстве этих случаев России, Западной Европе и Соединенным Штатам было чрезвычайно трудно прийти к согласию относительно общих принципов, по которым осуществляется вмешательство (интервенция) в такого рода конфликты. Данные разногласия особенно драматичны, когда они связаны с вооруженными конфликтами в Европе. В случае военных конфликтов, связанных с сепаратизмом в бывших советских республиках к югу от России, западные правительства отказывались предоставить российским миротворцам статус «голубых касок» ООН, опасаясь, что Москва попытается создать там зону своих интересов. Миротворческие силы России на Кавказе рассматривались как инструмент подчинения обретших независимость южных соседей. Тем не менее в 1993 г. западные страны — члены Совета Безопасности согласились поддержать присутствие в Абхазии и Таджикистане российских войск (вначале объединенных вооруженных сил СНГ) и направить в эти страны военных наблюдателей ООН.

Самые серьезные кризисные ситуации возникли в связи с интервенцией НАТО в Косово и двумя войнами России в Чечне. Российское и китайское правительства критиковали НАТО за отсутствие легитимных полномочий на военное вмешательство в Косово, поскольку считали, что НАТО вмешивалась тем самым во внутренние дела Югославии. Основывая свою критику на нормах международного права, российское правительство заявило, что решение о военном вмешательстве в Косово мог принять только Совет Безопасности ООН. В случае Чечни Соединенные Штаты и Европейский Союз утверждали, что Россия прибегла к несоразмерному использованию силы, а также критиковали Россию за неизбирательные нападения на гражданские объекты. Как будет показано в этой книге, такая критика имеет отношение к применению классических принципов *теории справедливой войны*. Эти два случая будут разносторонне проанализированы в данной книге; при этом будут специально освещены различия моральных оценок российского, китайского и западных правительств.

Третий вид угрозы, на которую по-разному реагируют Россия, Китай, государства — члены Европейского Союза и Соединенные Штаты, связана с сохранением ядерной безопасности и касается контроля за распространением ядерного оружия и других видов оружия массового поражения. США обеспокоены сотрудничеством между Россией и Ираном в сфере использования

ядерной энергии в мирных целях, видя в этом нежелательную возможность для наращивания Ираном своей военной ядерной мощи. Отказ Конгресса США ратифицировать соглашение об испытании ядерного оружия в 2000 г. вызвал резкую критику со стороны как России, так и Европейского Союза. Россия, Китай и Европейский Союз разделяют озабоченность планами США разработать национальную программу противоракетной обороны. Такая система ракетного щита рассматривается как фактор, нарушающий равновесие, закрепленное существующими соглашениями между двумя главными ядерными державами, в частности Договором о противоракетной обороне (ПРО). Один из аргументов, использовавшийся французской стороной в июле 2000 г. в критике американской позиции, заключался в том, что дестабилизирующие возможности такого противоракетного щита непропорциональны той угрозе, которую представляют для США ракеты¹. Соразмерность (proportionality) является ключевым понятием теории справедливой войны. Кроме всего прочего, этот критерий используется для оценки легитимности применения отдельных видов оружия. Такие дискуссии выражают сильную обеспокоенность выбором метода противостояния угрозе с помощью оружия массового поражения. Открытое обсуждение морального аспекта использования ядерного оружия и реакции на его распространение несомненно уменьшилось после окончания холодной войны, но, как будет показано в книге далее, ставки остаются такими же высокими, что и прежде. Индия и Пакистан не сумели преодолеть свои разногласия относительно политического статуса Кашмира, и наблюдатели не исключают возможности, что развитие конфликта между этими двумя ядерными странами может в конце концов пойти по наихудшему сценарию, когда оружие массового поражения будет использовано с обеих сторон.

Книга состоит из нескольких частей. Во Введении указано место теории справедливой войны среди таких соперничающих между собой подходов к этике войны, как реализм, милитаризм и пацифизм. Затем описываются некоторые основные методологические проблемы написания книги о теории справедливой войны. Анализируются также такие методологические проблемы, как

¹ Herald Tribune. 2000. 14 July.

Речь шла о возможности ракетного удара со стороны государств-изгоев — Северной Кореи, Ирака, Ливии и т.д.

определение войны и концепция справедливости в теории справедливой войны. Здесь же ставится вопрос о том, до какой степени такой подход может претендовать на конституирование именно *теории* справедливой войны, а не представления просто традиции справедливой войны. Первая часть книги связана с шестью принципами *jus ad bellum*¹, т.е. принципами, определяющими условия, при которых война может быть начата. Во второй части анализируются два принципа *jus in bello*², а именно, принципы, которым надо следовать во время самой войны. Каждый принцип в этих частях книги анализируется в отдельной главе, объем которой в общем соответствует значению соответствующего принципа в рамках систематической теории справедливой войны. Анализ каждого принципа сопровождается разнообразными историческими примерами. В третьей части разные принципы применяются к различным случаям военного вмешательства (а именно, в Персидском заливе, Чечне, Косово и Афганистане) и гуманитарной интервенции. В заключительной части представлены некоторые выводы относительно применения принципов справедливой войны в различных политических обстоятельствах.

Соавторы этой книги необязательно придерживаются одинакового мнения касательно законности применения силы в отдельных конкретных случаях. Они даже необязательно имеют одинаковое мнение о том, как интерпретировать разные принципы справедливой войны и саму эту теорию. Такие различия в подходе являются естественным следствием особого плюралистичного характера теории справедливой войны. Согласие с вердиктом касательно легитимности использования силы в определенном случае возможно только в том случае, если те же абстрактные принципы применяются к ситуации, где не существует больших расхождений относительно ее интерпретации. Для авторов книги были важны не столько различные принципы, становившиеся предметом спора в тех порой жарких дискуссиях, которые происходили при ее подготовке, сколько их конкретное значение в конкретном контексте и то, правильно ли были описаны и проанализированы конкретные конфликты. Некоторые разногласия относительно трактовки фактов могут быть разрешены при более тщательном изучении имею-

¹ *Jus ad bellum* [юс ад беллум] — право на войну (лат.).

² *Jus in bello* [юс ин bello] — право в войне (лат.).

щейся литературы и обращении к различным историческим источникам. Однако описание и анализ являются также результатом разного рода предпосылок и разделяемых ценностных ориентаций. Сохранившиеся разногласия, в особенности касающиеся этической оценки событий, специально оговорены. Большинство глав этой книги были написаны в соавторстве; авторы указаны в начале каждой главы.

Этот проект был поддержан многими институтами Бельгии, Китая, России и Соединенных Штатов. Авторы хотели бы поблагодарить Бельгийскую королевскую военную академию, Министерство обороны Бельгии и Свободный университет Брюсселя за финансирование русского и китайского изданий этой книги, которые публикуются параллельно ее английскому изданию. Поддержка была получена также от фламандского Свободного Брюссельского университета (Vrije Universiteit Brussel), Фонда научных исследований (Fonds voor Wetenschappelijk Onderzoek, Фландрия, Бельгия), Военной академии США в Вест-Пойнте, НАТО, Института философии РАН, Московского центра Карнеги, Рязанского отделения Московского института Министерства внутренних дел РФ, посольства США в Бельгии, Университета Эмори, Американского Совета по международным научным обменам (CIES) и Академической программы Фулбрайта. Авторы особенно благодарны за поддержку проекта: министру Андре Флаго, генерал-лейтенанту Паулу Георису, генерал-лейтенанту Марку Ванкирсбилку, капитану Лео Вермееру, подполковнику Жан-Полю Салмону, подполковнику Яну Ван де Вейеру, а также Вернеру Боувенсу, Полу де Витте, Кнуту Дёрманну, Крису Доннелли, Веронике Келле, Энтони Лангу, Стефану Смису, Шинину Сонгу, Дмитрию Тренину и Эрику Франксу. Авторы выражают благодарность Наталии Барановой за работу над русским текстом книги.